

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ЛЕКТОРИЙ

SOCIOLOGICAL LECTURES

DOI: 10.22363/2313-2272-2024-24-3-764-776

EDN: GNHDHD

Язык и пространство как идентификационные ценности*

В.А. Цвык, К.В. Радкевич, А.В. Шаблага

Российский университет дружбы народов,
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, 117198, Россия

(e-mail: tsvyk-va@rudn.ru; radkevich-kv@rudn.ru; shabaga-av@rudn.ru)

Аннотация. XXI век порождает новые общества, государства и сообщества, каждое из которых отстаивает свою неповторимость и отличие от других. Этот феномен не нов, его возраст сопоставим, а может быть и равен возрасту человечества. Наибольшие инструментальные возможности для исследования феномена идентичности предоставляет теория ценностей, в частности, учение баденской школы неокантианства. Процесс передачи базовых ценностей от одного поколения к другому крайне важен для сохранения в социуме идентичности, что проявляется в ощущении ценностной связи с прошлым, которое связывает одни поколения с другими не только историей и культурой, но также этикой и телеологией. Передача ценностей происходит через язык, быт и организацию пространства. Ценности пространства, наряду с этническими, конфессиональными и лингвистическими, определяют социальную идентичность, а взаимосвязь и взаимовлияние ценностей выступает идентификационной основой общества. На примерах Франции, Германии и России в статье показано как взаимовлияние ценностей, пространства и языка, так и попытки изменения социального пространства и ценностей путем целенаправленной лингвистической политики: описано воздействие пространственных структур на идентичность социума и эффект обратного влияния — происходящий в силу изменений социального пространства по причине трансформации поля, образованного структурированными позициями акторов. В результате были выявлены различия в ценностных основаниях восприятия пространства у французской, немецкой и российской социологических и геополитических школ. Специальное внимание авторы уделяют аксиологическим особенностям евразийства, ориентированного на традиционные ценности народов России и направленного на установление союзных и партнерских отношений с теми странами евразийского пространства, что отвергают глобализм и радикальный либерализм в пользу многополярности и национальных традиций.

---

* © Цвык В.А., Радкевич К.В., Шаблага А.В., 2024

Статья поступила в редакцию 12.03.2024. Статья принята к публикации 14.06.2024.

Ключевые слова: идентичность; теория ценностей; операциональные ценности; идентификационная функция пространства; язык; геополитика; французская, немецкая и российская идентичность; евразийство

XXI век, несмотря на всю его специфику, роднит с предшествующими эпохами то, что он также является веком становящихся идентичностей — новых обществ, государств и сообществ. Этот феномен — спутник человечества и, вполне вероятно, будет существовать столько же, сколько отмерено человечеству, однако в последние десятилетия это явление получило свое нынешнее наименование и стало предметом множества исследований.

Идентичность — свойство, проявляющееся в соотнесении себя с кем-то (обычно определенной социальной группой) за счет приписывания себе атрибутов, значимых для обоснования сравнения. Среду, в которой формируется и транслируется идентичность, составляют язык и пространство, причем оба могут как способствовать развитию социальных групп, которые они идентификационно маркируют, так и вести к их деградации [10. С. 296–297]. Под деградацией мы имеем в виду эффекты пространственных и лингвистических расхождений с текущими социальными потребностями, например, эффекты пространственной тесноты (что свойственно перенаселенным регионам) или, напротив, пространственной избыточности. В лингвистической сфере подобные расхождения могут быть связаны со стремительно протекающим заимствованием чужеродной лексики и грамматики или вообще с языковой ассимиляцией. Подобные ведут к деформации социального континуума, что в конечном счете сказывается на идентичности общества, группы и индивида. В этом смысле феномен идентичности многоаспектен и связан с текущим состоянием среды, формирующей социальный хронотоп. Поэтому он может, в зависимости от обстоятельств, приобретать особые ситуативные характеристики (например, солидарная, мобилизационная идентичность) как реакцию на изменения среды.

Тема идентичности в последние годы стала весьма востребованной — постоянно выходят посвященные ей книги и статьи. Тем не менее, не прекращаются попытки дать исчерпывающее, универсальное, общепризнанное, научно выверенное понимание этого термина. К числу последних подобных работ об идентичности относится книга Ф. Фукуямы: автор претендует на глубокое исследование феномена, пытаясь увязать современное его понимание с античными представлениями. Ориентируясь на трехчастное деление человеческой души, предложенное Платоном, Фукуяма связывает идентичность с той частью души, что отвечает за страстность (*θυμός*) [25. С. 49]. У А.Ф. Лосева приведен подробный разбор значений этой категории [14. С. 418–422], из которого следует, что она куда более многозначна, чем полагает Фукуяма. Его псевдоплатонизм связан с зави-

симостью от идей А. Кожева, интерпретировавшего учение Г.В.Ф. Гегеля о значении мировой души (абсолютного духа) в историческом процессе [25. С. 19, 66]. Фукуяма использует для анализа основанные на категории $\theta\upsilon\mu\acute{o}\varsigma$ понятия изотимии (стремление быть не хуже других) и мегалотимии (стремление быть лучше других) [25. С. 47]. Дело не только в том, что такой подход спекулятивен, но и в том, что он трактует идентичность как некую данность, не позволяя ставить вопросы о ее генезисе и трансформациях.

Мы полагаем, что наиболее подходящий инструментарий для исследования феномена идентичности предоставляет теория ценностей. Социальные ценности не только описываются и транслируются языковыми средствами, но и предопределяются языковыми возможностями и особенностями, что весьма убедительно показал М. Хайдеггер [27. С. 40–41]. Поэтому именно ценности лежат в основе идей по изменению и поддержанию социальной среды, в которой формируется та или иная идентичность.

Понятия ценности, значения и смысла появляются в постклассической гносеологии. Во второй половине XIX века понятие ценности ввел в философский оборот Р.Г. Лотце, утверждавший, что ценность существует лишь в ее значимости для субъекта, но не является продуктом его произвола, она объективна как общезначимая форма воления и поведения человека. В таком аспекте и целесообразно исследовать ценности — анализировать, как они воплощены материально и ментально или же отражены в пространстве и языке. В свою очередь, это приводит к необходимости задать пространству и языку эпистемологический и этический контексты, продвигаясь тем самым в сторону преодоления того, что М.М. Бахтин называл «дурной неслиянностью и невзаимопроникновенностью культуры и жизни» [3. С. 83].

Попытку разработать так называемую «этическую гносеологию» предприняли философы Баденской школы неокантианства. Г. Риккерт, предложивший индивидуализирующий метод для исторических наук (изучать не массовые явления, а конкретные, частные, индивидуальные), понимал его трудность для историка, поэтому призывал дополнить этот метод другим, который называл «отнесением к ценностям». Ценности, согласно Риккерту, ставят мир в отношении к человеку [20]. В. Виндельбанд определял ценности как нормы мысли, чувства и воли для человека [6]. Оба философа сходились во мнении, что ценность есть должное, но не внешний, а внутренний стимул, исходящий из чувств человека, его воли. Согласно аксиологической концепции Бахтина, все элементы бытия пронизаны ценностным значением, каждый человек является ценностным центром, но при этом существует «совокупность ценностей, ценных не для того или иного индивидуума и в ту или иную эпоху, а для всего человечества» [3. С. 130]. Этот феномен объясняется тем, что процесс возникновения ценностей свя-

зан со взаимодействием с трансцендентальным миром: чем более «опытным» становится миропонимание, созерцание, познание, тем больше оттенков, полутонов, сочетаний различает человек. С другой стороны, стремление к единообразному, теряя по пути старое, традиционное, осмысленное и закрепленное в традициях, приобретая новые черты, а может быть и иное значение, приводит к типичному, потерявшую свою уникальность образу и человека, и общества. Смысловое выражение становится типовым, утрачивая уникальность осмысления, но именно общие ценности и смыслы лежат в основе идентификационных процессов.

В современном информационном обществе интеграция социальных образований, создавая новые идентификационные феномены, осуществляется в тех рамках, что задаются существующей в интегрирующихся общностях системой ценностей. Поэтому, отвечая на вопрос, что служит ручательством отождествления одного феномена с другим, который задает М. Фуко в связи с анализом труда Марка Аврелия, можно ответить, что мерой самоидентичности (*l'identité de soi*) [24. С. 347] могут быть только ценности. Большинство современных исследователей разделяют основополагающее понимание ценностей, сложившееся еще в классический период, — различение ценностей субъективных и объективных, относительных и абсолютных, трансцендентальных и эмпирических. Часть исследователей акцентирует внимание на субъективной стороне ценностей, отмечая, что «важнейшим свойством ценности является ее субъективный характер» [12. С. 154], «ценности могут быть только обретением самого человека, они могут быть созданы лишь самими людьми... люди сами могут избирать ту или иную ценность или не избирать никакую» [1. С. 139–140].

В то же время такой подход не учитывает влияние объективных социокультурных факторов на формирование ценностей [22. С. 53–63]. Не вызывает сомнений, что восприятие ценностей тесно связано с социокультурными условиями, в которых существует индивид или группа. При этом ценность, поощряемая обществом в качестве положительной, в большей степени будет восприниматься членами данного социума, в то время как та же ценность, транслируемая как негативная, — в меньшей. Все эти подходы и определения не исключают друг друга, а взаимно дополняют как определенным образом субординированными. Системообразующим в ценности является ее определение через значение предметов, процессов, явлений для удовлетворения потребностей субъекта. Характеристика субъектом объектов, имеющих для него то или иное значение, одновременно выступает как ценностное отношение к ним. Значение объекта для субъекта выявляется через оценку [39. С. 534], что наиболее очевидно в изучении поощряемых ценностей. Социологический анализ идентичности, особенно ее гражданских и государственных аспектов, дает надежные аргументы для определения текущего состояния общества с точки зрения его социальной устойчивости [17. С. 1–6].

В исследовательской литературе ценности часто рассматриваются в связи с возможностью реализации сущностных сил человека, нравственного совершенствования, личностного развития. Именно ценности превращают части действительности в объекты культуры, выделяя их тем самым из природы: «Ценности упорядочивают действительность... Они соотносятся не с истиной, а с представлением об идеале, желаемом, нормативном» [11. С. 117]. Характерные представления об идеале и других ценностях имеются у каждой культуры, общества, государства, профессии, личности, также существуют и общечеловеческие ценности, которые ориентированы, прежде всего, на сохранение человеческого рода. Ценность есть не природное, а социальное свойство предмета, явления, процесса, поступка, события и т.д., которое проявляется в деятельности человека, т.е. субъектом ценностного отношения выступает не просто индивид, а действующая и познающая личность. Ценность есть объективное соответствие данного явления, поступка, процесса или события общественным потребностям и интересам. В ценностном отношении раскрывается значение явления для социальной практики, и в этом смысле ценностное отношение всегда объективно.

Существуют разные подходы к классификации ценностей. При наиболее общем подходе различают два класса ценностей: фундаментальные, базовые ценности, ценности-цели, важные для жизни человека в целом, главные, конечные цели индивидуального существования; и операциональные ценности, ценности-средства, предпочитаемые человеком в любой жизненной ситуации. Операциональные ценности важны для функционирования социального образования, они позволяют формировать, сохранять и транслировать остальные группы ценностей. Однако с точки зрения идентичности особый интерес представляют базовые ценности — основной элемент причинной обусловленности общественной консолидации, интеграции и самоорганизации. Человек, имеющий свободу выбора, как и группа или общество, совершает «социальное действие», порождающее «социальный факт», исходя из того, что ему дорого, важно, значимо или ценно. Ценность объекта социальной действительности определяет его значимость, притягательную силу, характер и энергию устремлений к нему. Очевидно, что ценности детерминируют наши представления о должном, ориентируют нас на определенную цель. На основе ценностей создается мораль и право, то, благодаря чему возникают социальные и политические институты. Иначе говоря, феномен социальной интеграции и самоорганизации — результат непосредственного воздействия базовых ценностей [16. С. 67].

Соответственно, процесс передачи базовых ценностей от одного поколения к другому крайне важен для сохранения феномена идентичности как ощущения ценностной связи с прошлым — историей и культурой, этикой и телеологией. Передача ценностей происходит через язык, быт и организацию пространства. Например, популярную американскую идею «American

business is business» впервые сформулировал сто лет назад президент К. Кулидж. Она существовала и раньше, передавалась из поколения в поколение в иных выражениях и, с высокой долей вероятности, была заложена в протестантских традициях переселенцев из Британии [4]. О том, что высшей целью Франции является слава, заявлял Людовик XV, к этому призывает «Марсельеза» (*notre gloire*), об этом мечтал Ш. де Голль [8. С. 102], и до сих пор французская идентичность поверяет себя категорией славы [33].

О влиянии пространственных структур на идентичность социума и об обратном влиянии писали П. Видаль де ла Блаш и М. Хальбвакс. Первый делал упор на выбор, осуществляемый социумом согласно своим ценностям: выбор предопределяет использование природных возможностей и преобразование их сообразно представлениям о должном [5. С. 19; 40. С. 17–18]. В случае экспансии в пространство, где проживает другой народ, происходит столкновение ценностей, которое может иметь несколько вариантов: аксиологическая ассимиляция, ценностное сосуществование, ценностный синтез. Хальбвакс, исследуя специфику организации пространства, показывал, как ценностные представления о должном видоизменяют социальное бытие, а эти изменения, в свою очередь, влияют на идентификационные ценности [26. С. 223–224, 234–237]. Опираясь на идеи П. Бурдьё, можно говорить об изменениях социального пространства по причине трансформации поля, образованного структурированными позициями акторов [28. С. 113–120]. Если продолжать использовать в качестве примера Францию, то сравнение идентификационных характеристик на уровне ценностей показывает, что северяне в несколько приемов в значительной степени ассимилировали южан. Так, с V века начинается взаимопроникновение ценностей вторгшихся франков и населения Галлии [23. С.173–177], положившее начало формированию французской нации и идентичности. Через тысячу лет, когда пространство Франции уже было в достаточной мере обустроено (культурно и коммуникативно), встал вопрос о полном языковом единстве, и в 1539 году был издан королевский указ (Ордонанс Виллер-Котре), направленный на унификацию управления и вводящего вместо латыни парижский диалект в качестве официального языка.

Что касается лингвистической составляющей идентификационных процессов, то принятый Франциском I «Ордонанс Виллер-Котре» был направлен на изменение управленческих практик посредством введения более приспособленной для них лексики и грамматических форм диалекта Иль-де-Франса, что должно было скорректировать население Лангедока в ценностном отношении и направить самобытную культуру южан к унификации с северной частью страны [10. С. 296–297]. В дальнейшем операциональные возможности языковых ценностей продолжали использовать для направления в нужную сторону идентификационных и интеграционных процессов. Пик влияния языковых ценностей пришелся на более поздние

времена, когда в качестве инструментов были привлечены возможности телекоммуникаций, однако и ранние усилия бюрократов вольно или невольно поддерживались повсеместным распространением в XVII и XVIII веках шедевров французской литературы. В следующие два века (XIX и XX), благодаря средствам массовой информации, результаты лингвистического воздействия стали более впечатляющими. Широкое распространение газет, журналов, радио и телевидения привело к тому, что литературный французский язык практически вытеснил провинциальные диалекты (хотя и сегодня их около 75). В этом отношении из французских говоров (*patois*) исключение составляет сохраняющийся пикардийский диалект и диалект бельгийских валлонов. Что касается других автохтонных языков, то, несмотря на постоянное уменьшение числа их носителей, в современной Франции остались родственные немецкому эльзасский и фламандский, а также бретонский, каталанский, корсиканский и баскский.

Лингвистическая унификация как стремление использовать язык в качестве операционального средства (в интегративных целях) и для передачи заложенных в нем базовых ценностей (в идентификационных целях) свойственна не только Франции. Схожие процессы можно наблюдать во многих странах, но французский пример, вероятно, наиболее показателен, поскольку отлично вписывается в концепцию дирижизма, предусматривающую энергичное вмешательство французского государства в основные сферы общественной деятельности [19. С. 227–228]. Именно во Франции для борьбы с проникновением чуждых ценностей правительство ввело ограничения на использование английского языка в документах, вывесках, маркировках и т.д. («Закон Тубона» 1994 года) и отказалось подписывать Европейскую хартию региональных языков. Власти Франции вводят законы для защиты языка, считая таковые основным препятствием для размывания идентичности [31. С. 115–146].

В Германии сложилась другая ситуация: провинциальные языки (результат развития древних племенных наречий) не подвергались сильному давлению, а в последнее время в связи с угрозой исчезновения даже находятся под защитой (для их сохранения выделяются гранты и создаются специальные средства информации). В современной Германии помимо официального литературного языка существуют 53 наречия, которые сводят к 16 диалектам [32]: наибольшей популярностью пользуются баварский и мекленбургский диалекты (опросы показывают лидерство то одного, то другого); диалекты используют 60 % немцев, но постепенно эта доля уменьшается (с каждым поколением разговорный диалект утрачивает 9 % словарного запаса [37]). Вероятно, эти процессы показывают, что региональная идентичность, распространенная в Германии со средневековых времен, все же меняется в пользу общенациональной. Если это так, то плюралистическое сознание немцев, основанное на политической силе федеральных земель [38. С. 506], постепенно уходит в прошлое, что

приводит к исчезновению не только политической конкурентности, ранее свойственной германским регионам, но и их социокультурной индивидуальности. По мнению известного экономиста К. Вайцзеккера, немецкую модель можно с полным правом назвать псевдофедерализмом, так как политические и социокультурные права земель лишь маскируют централизм [29. С. 149–150]: мы не разделяем эту точку зрения, хотя доводы исследователей о снижении ценности региональной идентичности вполне справедливы. Дело в том, что само существование Bundesländer — федеральных земель (хотя их история крайне непростая) — и их частичный суверенитет говорят об обратном.

Представляется весьма показательным сопоставление французской и немецкой трактовки соотношения политика и геополитики. До конца XVIII века Франция состояла из провинций, население которых представляло собой «как бы малую нацию, которая отворачивалась от прочих» [15. С. 281]. В 1790 году Учредительное собрание, чтобы избавиться от многовековой региональной идентичности, разделило провинции на массы департаментов, которые в целях симплификации переименовали по географическим особенностям и даже пронумеровали по алфавиту. В отличие от такой сугубо политической практики французские геополитики предпочли сосредоточиться на регионах, пристально вглядываясь в их специфику [36. С. 146–147; 28]. Австро-германский геополитик Г. Йордис фон Лохаузен (один из немногих послевоенных немецких геополитиков), продолжая развивать идеи К. Хаусхофера, отстаивал преимущество крупных форм, что диссонировало с официальной концепцией немецкого федерализма. В названиях его работ звучал призыв иметь «смелость властвовать», «мыслить тысячелетиями и континентами» [34], потому что сила народа заключена в «языке и пространстве» [38]. Иными словами, в то время, как французские власти стремились унифицировать язык и пространство, геополитики, напротив, сосредотачивались на региональных различиях, тогда как в немецкой геополитике были свойственны рассуждения о преимуществе больших пространств и культурного единства, а политики отстаивают идеи федерализма и региональных ценностей.

В сравнении с Францией и Германией Россия обладает значительно большим пространственным и языковым разнообразием. Языковая политика страны всегда была крайне либеральной: с XVI века, когда Россия стала активно расширяться, включая в свой состав территории, населенные иноязычными и инокультурными народами, не было попыток воспрепятствовать развитию местных языков. Более того, для бесписьменных языков вводили письмо (например, для удмуртского и марийского в XVIII веке, для коми-пермяцкого и абхазского — в XIX веке) и стимулировали развитие национальной литературы. Проводимая политика русификации заключалась в создании коммуникационного единства

государства, что подразумевало введение официального языка, но не запрещало и не ущемляло местные языки. В последние сто лет, с тех пор как Россия стала федерацией, был взят курс на сохранение и развитие языков населяющих ее народов (сегодня в стране более 100 языков, относящихся к 14 языковым семьям). Объяснение такого лингвистического и, соответственно, этнического, разнообразия в рамках единого пространства лежит в сходстве ценностей народов. Их идентификационным маркером являются ценности, воплощенные в многонациональности, федерализме, коллективизме и русском языке как средстве межнационального общения. Специфика российского восприятия организации пространства наиболее ярко выражена в концепции евразийства, которая имеет столетнюю историю и в настоящее время вновь политически востребована на уровне так называемого «прагматического евразийства» [7]. Евразийство ориентировано на традиционные ценности народов России и партнерские отношения с теми странами Евразии, кто отвергает глобализм и радикальный либерализм в пользу многополярности и национальных особенностей.

В целом современные сообщества наиболее ярко проявляют себя на уровне воспроизводства и трансляции ценностей, на глубинном уровне идентифицируя себя прежде всего с ними. Борьба между сообществами сегодня (политическая, культурная, экономическая и др.) может быть объяснена ценностными различиями и стремлением навязать явно или неявно свою аксиологическую систему. Среди ценностей, что определяют идентичность общества, кроме конфессиональных, этнических и языковых, отмеченных еще Т. Парсонсом [18. С. 118–120], следует выделить и ценности пространства. Они не являются исключительным достоянием геополитики, хотя, как правило, о них предпочитают рассуждать представители этого направления. Идеальное общество, о котором говорят как о цели развития, существует в ментальном пространстве, а реальное общество — в реальном, но оба пространства подвержены изменениям, поскольку развитие общества предполагает «плавку» прежних принципов, некогда почитавшихся священными (традиций, прав, обязанностей), если они препятствуют дальнейшему развитию [2. С. 10]. Оба пространства воплощают в себе сделанный выбор, предпочтения и решения, которые имеют свои смыслы и причины, поскольку предопределены ценностями, формирующими идентичность.

Библиографический список

1. *Абишева А.К.* О понятии «ценность» // Вопросы философии. 2002. № 3.
2. *Бауман З.* Текущая современность. СПб., 2008.
3. *Бахтин М.М.* К философии поступка // Философия и социология науки и техники. М., 1986.
4. *Вебер М.* Протестантизм и дух капитализма // Избранные произведения. М., 1990.
5. *Видаль де ла Блаш П.* Географические картины Франции. М., 2020.

6. Виндельбанд В. Прелюдии. СПб., 1904.
7. Винокуров Е. Прагматическое евразийство // Россия в глобальной политике. 2013. № 2.
8. Голль де Ш. Военные мемуары: призыв 1940–1942. М., 2003.
9. Горшков М.К., Тюрина И.О. Консолидация российского общества в условиях современных вызовов: историко-социологический и ценностно-мировоззренческий контексты // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2023. Т. 23. № 4.
10. Гумбольдт В. фон. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества (1830–1835) // Избранные труды по языкознанию. М., 1984.
11. Гуревич П.С. Философия культуры. М., 1995.
12. Докучаев И.И. Основоположения исторической аксиологии культуры. СПб., 2009.
13. Дэвис У.С. История Франции с древнейших времен до Версальского договора. М., 2016.
14. Лосев А.Ф. История античной эстетики. Софисты. Сократ. Платон. Т. 2. М., 2000.
15. Люшер А. Французское общество времен Филиппа-Августа. М., 1999.
16. Масликов В.А. Роль и значение ценностей в интеграционных процессах // Социальная интеграция и развитие этнокультур в Евразийском пространстве. 2018. № 6–1.
17. Михайлова Е.А. Идентичности: социологическое измерение // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2017. № 4.
18. Парсонс Т. Система современных обществ. М., 1998.
19. Покидченко М.Г. История возникновения дирижизма и перспектива его использования в России // Философия хозяйства. 2017. № 2.
20. Радкевич К.В., Шаблага А.В. Евразийство и геополитика: социальные мифологемы пространства // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2021. Т. 21. № 1.
21. Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре. СПб., 1911.
22. Романова О.Б. Основные теоретические подходы к содержанию понятия «ценность» // Территория новых возможностей. Вестник ВГУЭС. 2013. № 4.
23. Скоробогатова Т.И., Суралева О.Ю. История и лингвистика: лексическое наследие франков в современном французском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 9. Ч. 1.
24. Фуко М. Герменевтика субъекта. СПб., 2007.
25. Фукуяма Ф. Идентичность. Стремление к признанию и политика неприятия. М., 2019.
26. Хальбвакс М. Планы расширения и благоустройства Парижа до XIX века // Социальные классы и морфология. М.–СПб., 2000.
27. Хайдеггер М. Введение к: «Что такое метафизика?» // Время и бытие. М., 1993.
28. Bourdieu P. Quelques propriétés des champs // Questions de sociologie. Paris, 1984.
29. Föderalismus zwischen Konsens und Konkurrenz. Tagungs- und Materialienband zur Fortentwicklung des deutschen Föderalismus. Baden-Baden, 1998.
30. Foucher. Fronts et Frontières. Un tour du monde géopolitique. Fayard, 1991.
31. Gordon D. The French Language and National Identity 1930–1975. Hague–Paris–N.Y., 1978.
32. Hoffmeyer M. Dialekt im Job? Reinschter Bogmisch // Süddeutsche Zeitung. 02.11.2014.
33. Jégo Y. Il y a 250 ans naissait Napoléon: pourquoi en parle-t-on si peu? // Figaro. 13.08.2019.
34. Jordis von Lohausen H. Denken in Völkern: Die Kraft von Sprache und Raum in der Kultur- und Weltgeschichte. Graz, 2001.
35. Jordis von Lohausen H. Mut zur Macht — Denken in Kontinenten. Berg a/See, 1981.
36. Lacoste Y. La géographie, la géopolitique et le raisonnement géographique // Hérodote. La géopolitique, des géopolitiques. 2012. № 3–4.
37. Post R. Pfälzisch. Einführung in eine Sprachlandschaft. Landau, 1992.
38. Rau J. Wir brauchen die Vielfalt in der Einheit // Die neue Gesellschaft Frankfurter Hefte. 1999. № 6.
39. Tsvyk V.A., Tsvyk I.V. Moral values of professional activity in information society // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2019. Т. 19. № 3.
40. Vidal de la Blache P. Les conditions géographiques des faits sociaux // Annales de géographie. 1902. Vol. XI.

Language and space as identification values*

V.A. Tsvyk, K.V. Radkevich, A.V. Shabaga

RUDN University,

Miklukho-Maklaya St., 6, Moscow, 117198, Russia

(e-mail: tsvyk-va@rudn.ru; radkevich-kv@rudn.ru; shabaga-av@rudn.ru)

Abstract. The 21st century has created new societies, states and communities that defend their uniqueness and difference. This phenomenon is not new, its age is comparable and may be equal to the age of humanity. The greatest instrumental opportunities for studying the phenomenon of identity are provided by the theory of values, in particular of the Baden school of neo-Kantianism. The transfer of basic values from one generation to another is extremely important for preserving social identity which is manifested in the feeling of a value connection with the past and other generations not only by history and culture, but also by ethics and teleology. Values are transferred through language, everyday practices and space organization. The values of space, along with ethnic, religious and linguistic ones, predetermine social identity; interrelation and mutual influence of values act as the identification basis of society. Using examples from France, Germany and Russia, the authors show the mutual influence of values, space and language, and the attempts to change social space and values through targeted linguistic policy, describing the impact of spatial structures on social identity and the effect of reverse influence under changes in social space due to the transformation of the field formed by the structured positions of actors. Thus, the article presents differences in the value bases of the space perception in the French, German and Russian sociological and geopolitical schools. The authors pay special attention to the axiological features of Eurasianism as focused on the traditional values of Russia's peoples and on partnerships with those countries of the Eurasian space that reject globalism and radical liberalism in favor of multipolarity and national traditions.

Key words: identity; theory of values; operational values; identification function of space; language; geopolitics; French, German and Russian identity; Eurasianism

References

1. Abisheva A.K. O ponyatii "tsennost" [On the concept "value"]. *Voprosy Filosofii*. 2002; 3. (In Russ.).
2. Bauman Z. *Tekuchaya sovremennost* [Liquid Modernity]. Saint Petersburg; 2008. (In Russ.).
3. Bakhtin M.M. K filosofii postupka [On the philosophy of action]. *Filosofiya i sotsiologiya nauki i tekhniki*. Moscow; 1986. (In Russ.).
4. Weber M. Protestantizm i duh kapitalizma [The protestant ethic and the spirit of capitalism]. *Izbrannye proizvedeniya*. Moscow; 1990. (In Russ.).
5. Vidal de la Blache P. *Geograficheskie kartiny Frantsii* [Geographical Pictures of France]. Moscow; 2020. (In Russ.).
6. Windelband W. *Preljudii* [Preludes]. Saint Petersburg; 1904. (In Russ.).
7. Vinokurov E. Pragmaticheskoe evraziystvo [Pragmatic Eurasianism]. *Rossiya v Globalnoy Politike*. 2013; 2. (In Russ.).
8. Gaulle de Ch. *Voennye memuary: prizyv 1940–1942* [War Memoirs: The Call to Honor, 1940–1942]. Moscow; 2003. (In Russ.).

---

* © V.A. Tsvyk, K.V. Radkevich, A.V. Shabaga, 2024

The article was submitted on 12.03.2024. The article was accepted on 14.06.2024.

9. Gorshkov M.K., Tyurina I.O. Konsolidatsiya rossiyskogo obshchestva v usloviyah sovremennykh vyzovov: istoriko-sotsiologicheskyy i tsennostno-mirovozzrenchesky konteksty [Consolidation of the Russian society under contemporary challenges: Social-historical and value contexts]. *RUDN Journal of Sociology*. 2023; 23 (4). (In Russ.).
10. Humboldt W. Von. O razlichii stroeniya chelovecheskih yazykov i ego vliyaniy na duhovnoye razvitiye chelovechestva (1830–1835) [On the diversity of human language construction and its influence on the mental development of the human species (1830–1835)]. *Izbrannyye trudy po yazykoznaniiyu*. Moscow; 1984. (In Russ.).
11. Gurevich P.S. *Filosofiya kultury* [Philosophy of Culture]. Moscow; 1995. (In Russ.).
12. Dokuchaev I.I. *Osnovopolozheniya istoricheskoy aksiologii kultury* [Fundamentals of the Historical Axiology of Culture]. Saint Petersburg; 2009. (In Russ.).
13. Davis W.S. *Istoriya Frantsii s drevneyshih vremen do Versalskogo dogovora* [A History of France from the Earliest Times to the Treaty of Versailles]. Moscow; 2016. (In Russ.).
14. Losev A.F. *Istoriya antichnoy estetiki. Sofisty. Sokrates. Plato* [History of Ancient Aesthetics. Sophists. Socrates. Plato]. Vol. 2. Moscow; 2000. (In Russ.).
15. Luchaire A. *Frantsuzskoye obshchestvo vremen Pilipp-Augusta* [Social France at the Time of Philip Augustus]. Moscow; 1999. (In Russ.).
16. Maslikov V.A. Rol i znachenie tsennostey v integratsionnykh protsessakh [The role and significance of values in integration]. *Sotsialnaya Integratsiya i Razvitiye Etnokultur v Evraziyskom Prostranstve*. 2018; 6–1. (In Russ.).
17. Mikhaylova E.A. Identichnosti: sotsiologicheskoye izmerenie [Identities: A sociological dimension]. *Monitoring Obshchestvennogo Mneniya: Ekonomicheskie i Sotsialnye Peremeny*. 2017; 4. (In Russ.).
18. Parsons T. *Sistema sovremennykh obshchestv* [The System of Modern Societies]. Moscow; 1998. (In Russ.).
19. Pokidchenko M.G. Istoriya vozniknoveniya dirizhizma i perspektiva ego ispolzovaniya v Rossii [The history of dirigisme and the prospects for its use in Russia]. *Filosofiya Khozyaystva*. 2017; 2. (In Russ.).
20. Radkevich K.V., Shabaga A.V. Evraziystvo i geopolitika: sotsialnye mifologemy prostranstva [Eurasianism and geopolitics: Social mythologemes of space]. *RUDN Journal of Sociology*. 2021; 21 (1). (In Russ.).
21. Rickert H. *Nauki o prirode i nauki o culture* [Natural Sciences and Cultural Sciences]. Saint Petersburg; 1911. (In Russ.).
22. Romanova O.B. Osnovnyye teoreticheskiye podkhody k sodержaniyu ponyatiya “tsennost” [Basic theoretical approaches to the concept “value”]. *Territoriya Novykh Vozmozhnostey. Vestnik VGUES*. 2013; 4. (In Russ.).
23. Skorobogatova T.I., Suraleva O.Yu. Istoriya i lingvistika: leksicheskoye nasledie frankov v sovremennom frantsuzskom yazyke [History and linguistics: The Franks’ lexical heritage in contemporary French]. *Filologicheskyye Nauki. Voprosy Teorii i Praktiki*. 2018; 9 (1). (In Russ.).
24. Foucault M. *Germenevtika sub`ekta* [The Hermeneutics of the Subject]. Saint Petersburg; 2007. (In Russ.).
25. Fukuyama F. *Identichnost. Stremlenie k priznaniyu i politika nepriyatiya* [Identity. Contemporary Identity Politics and the Struggle for Recognition]. Moscow; 2019. (In Russ.).
26. Halbwachs M. *Plany rasshireniya i blagoustroystva Parizha do XIX veka* [Plans for the expansion and improvement of Paris until the 19th century]. *Sotsialnyye klassy i morfologiya*. Moscow–Saint Petersburg; 2000. (In Russ.).
27. Heidegger M. Vvedenie k: “Chto takoye metafizika?” [Introduction to “What is metaphysics?”]. *Vremya i bytie*. Moscow; 1993. (In Russ.).
28. Bourdieu P. Quelques propriétés des champs. *Questions de sociologie*. Paris; 1984.
29. *Föderalismus zwischen Konsens und Konkurrenz. Tagungs- und Materialienband zur Fortentwicklung des deutschen Föderalismus*. Baden-Baden; 1998.

30. Foucher. *Fronts et Frontières. Un tour du monde géopolitique*. Fayard; 1991.
31. Gordon D. *The French Language and National Identity 1930–1975*. Hague–Paris–New York; 1978.
32. Hoffmeyer M. Dialekt im Job? Reinschter Bogmisch. *Süddeutsche Zeitung*. 02.11.2014.
33. Jégo Y. Il y a 250 ans naissait Napoléon: pourquoi en parle-t-on si peu? *Figaro*. 13.08.2019.
34. Jordis von Lohausen H. *Denken in Völkern: Die Kraft von Sprache und Raum in der Kultur- und Weltgeschichte*. Graz; 2001.
35. Jordis von Lohausen H. *Mut zur Macht — Denken in Kontinenten*. Berg a/See; 1981.
36. Lacoste Y. La géographie, la géopolitique et le raisonnement géographique. *Hérodote. La géopolitique, des géopolitiques*. 2012; 3–4.
37. Post R. *Pfälzisch. Einführung in eine Sprachlandschaft*. Landau; 1992.
38. Rau J. Wir brauchen die Vielfalt in der Einheit. *Die neue Gesellschaft Frankfurter Hefte*. 1999; 6.
39. Tsvyk V.A., Tsvyk I.V. Moral values of professional activity in information society. *RUDN Journal of Sociology*. 2019; 19 (3).
40. Vidal de la Blache P. Les conditions géographiques des faits sociaux. *Annales de géographie*. 1902; XI.